

Кто сражается с чудовищами,
тому следует остерегаться, чтобы самому при этом
не стать чудовищем. И если ты долго смотришь
в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя.

Фридрих Ницше

Предисловие

Урод

Прошлой ночью они снова ко мне пришли.

Как обычно, они тихонько стояли вокруг моей кровати, не говоря ни слова. Как обычно, я лежал, застыв в одной позе, уставившись распахнутыми глазами на их изуродованные безголовые тела. Как обычно, он наклонился и прошептал мне на ухо: «На самом деле мы с тобой одинаковые».

К тому времени я уже привык к их ночным визитам. Но все равно весь покрылся пóтом.

Наконец они удалились — по-прежнему молча. Теперь я слышал ровное дыхание Ду Ю, мирно спавшего на своей койке у противоположной стены. В окно бил столб ледяного лунного света. Огни погасли. Воздух был прохладный. Я перевернулся на живот и потрогал армейский нож, спрятанный под подушкой. Стоило мне нащупать его поцарапанную рукоятку, как сразу стало легче дышать.

Очень скоро я снова заснул.

* * *

Иногда я возвращаюсь в старый педагогический колледж. Сажу среди цветочных клумб на скамейке перед дверями мужского общежития номер два.

Когда-то там росло столетнее дерево мудрецов, но теперь на его месте лишь цветы, названий которых я не знаю. Они кокетливо трепещут под легким ветерком, равнодушные к мирским делам. Я разглядываю здание передо мной — современное семиэтажное студенческое общежитие, — пытаюсь вспомнить, как оно выглядело когда-то: выцветший рыжий кирпич, распатанные деревянные рамы, железная входная дверь с облупившейся краской.

И вижу лица студентов, которые жили там.

Сердце сжимается от боли, пронзенное острой грустью. И в этот момент слабости в моей душе распахиваются шлюзы, впуская бесконечный поток воспоминаний.

Если вы знали меня тогда, то наверняка считали отшельником. Я старался держаться обособленно. В одиночестве ел, в одиночестве гулял. В аудитории всегда сиделся подальше от остальных.

Не приближайся. Вот что говорил мой взгляд любому, кто пытался меня понять. Держа людей на расстоянии, я тем не менее знал о них все: их характер, особенности, повседневные привычки. Так что если на занятиях, или в кафетерии, или прогуливаясь по кампусу вы видели бледного, небрежно одетого юношу, внимательно рассматривающего прохожих, то это был я.

Я живу в комнате номер 313, здание Б, пятого корпуса общежития Университета Цзянбина. Моего соседа зовут Ду Ю, и он оканчивает юридический факультет. Поскольку мы живем вместе и оба учимся на юридическом, он — один из немногих, с кем я общаюсь более-менее регулярно. Он славный парень и всегда пытается вытащить меня поразвлечься, чтобы я «не сидел в одиночестве» — если б меня это хоть немного интересова-

ло! Тем не менее я не против иногда поболтать с ним и с Чжан Яо, его удивительно деликатной подружкой.

— Эй, давай перекусим вместе!

Я как раз доедал самодельную лапшу с острой пастой карри, уставившись в компьютер, на экране которого сменяли друг друга фотографии с сопроводительными заметками. И не заметил, как Ду Ю с подружкой подкрались ко мне.

Они принесли шашлычки из баранины, пахнущие так, будто их только-только сняли с огня. Мясо, сдобренное чили и зирой, сочилось желтоватым жиром. Ду Ю протянул мне одну шпажку. В ноздри проник запах гари.

В то же мгновение мое лицо стало блее стены за спиной. Тупым взглядом я уставился на угощение. Потом желудок подкатился к горлу, я согнулся и выблевал плохо прожеванную лапшу обратно в миску.

Прикрыв рот рукой, схватил миску — теперь до краев полную дымящимся содержимым моего желудка — и выбежал из комнаты. Оттуда до меня донеслось изумленное восклицание Чжан Яо: «Что это с ним?»

В туалете я наклонился над раковиной и ополоснул лицо водой. Когда поднял глаза, грязное зеркало на стене отразило бледную физиономию, мокрую от умывания и от холодного пота. Глаза глядели мрачно, остатки рвоты прилипли к уголкам рта.

Я снова наклонился и рыгнул, но желудок был совершенно пуст. Блевать было нечем. Шатаясь, я пригнулся сильнее, сунул голову под кран и стал жадно пить ледяную воду. Потом прополоскал рот и сплюнул в раковину.

Швырнул миску в мусорное ведро и побрел в комнату назад.

Там царил хаос. Чжан Яо сидела на койке Ду Ю, зажав голову между колен. Здоровенная лужа рвоты разлилась перед ней по полу, испуская кислую вонь. Зажимая пальцами нос, Ду Ю подсовывал своей девушке тазик.

При виде меня Чжан Яо приподнялась. По ее лицу текли слезы вперемешку с потом. Тыча в меня пальцем, она попыталась что-то сказать, но помешал новый приступ рвоты.

Ду Ю выглядел смущенным.

— Яо стало интересно, чем ты занимаешься, и она заглянула к тебе в компьютер. Всего на секундочку...

Не слушая его, я подошел к столу. На мониторе по-прежнему была открыта страница, которую я изучал. Та, с фотографиями. На одной — сгнивший череп: на лице кожа еще сохранилась, а с шеи полностью сошла. На других трех — торс жертвы без конечностей, а рядом левая и правая руки. Снимки были сделаны на месте убийства, совершенного в Висконсине в 2000 году. Загрузив их себе на жесткий диск, я сохранил фото в папке «Значительные повреждения».

Закончив, я встал и подошел к Чжан Яо. Присел на корточки рядом с ней. Спросил:

— Ты в порядке?

Чжан Яо так ослабла от тошноты, что казалась едва живой. Увидев меня, она испуганно отшатнулась:

— Не подходи!

Дрожа, девушка подняла одну руку, указав сначала на компьютер, а потом на меня. Губы ее дрогнули. Сквозь стиснутые челюсти она прошепела единственное слово:

— Урод!

— Яо! — возмутился Ду Ю, бросив в мою сторону извиняющийся взгляд.

Я широко ему улыбнулся, показывая, что нисколько не задет.

В конце концов, она совершенно права. Я — урод. И сам это знаю.

Меня зовут Фан Му. Два года назад произошло нечто ужасное, и я единственный остался в живых.

Глава 1

Насилуя город

Весна в Цзянбине выдалась необычно теплой. Деревья еще стояли голые, без единой зеленой почки, но температура уже перевалила за 18 градусов. В один из таких душных дней Тай Вей мчался на своем внедорожнике, торопливо застегивая рубашку прямо за рулем.

Он сильно нервничал, но не из-за погоды. За десять лет службы в полиции ему впервые попало такое запутанное дело, как это.

14 марта 2002 года, в корпусе 32 жилого комплекса «Сверкающая жемчужина» по адресу 83, Тайбэй-стрит в районе Хонгуан города Цзянбин, госпожа Чен — китаянка хан¹, 31 год — была убита у себя дома, в квартире 402. Вскрытие показало, что женщина умерла примерно между двумя и тремя часами ночи. Причина смерти — механическая асфиксия. На шее остались характерные следы. При обыске в квартире не обнаружилось никаких следов взлома или грабежа. Убийство с целью ограбления представлялось маловероятным. Жертва была раздета до пояса — и никаких признаков сексуального насилия. Самое странное — после смерти жертвы убийца выпотрошил ее с помощью ножа, а потом сбежал. Муж убитой опознал кухонный нож как их соб-

¹ Этническая группа сино-тибетской языковой семьи.

ственный. Место преступления выглядело страшно: сплошные брызги крови и клочья внутренностей. На кухне полицейские нашли стакан со следами неизвестной жидкости. Позднее анализ показал, что это смесь молока с кровью жертвы, — и пошли неизбежные предположения о том, что тут действовало загадочное чудовище — вампир.

В следующие полтора месяца были убиты еще двое. Обе — женщины в возрасте от двадцати пяти до тридцати пяти лет, обеих нашли выпотрошенными в собственных квартирах. В обоих случаях рядом находились контейнеры со следами крови и другой жидкости.

В городе средних размеров, с двумя миллионами жителей, убийства случались достаточно часто, чтобы стать привычными, но они никогда не были *настолько* причудливы и жестоки. По городу прокатилась волна подозрений и слухов. Что, если древний вампир восстал от тысячелетнего сна? А может, биологическое оружие, которое японские захватчики применяли во Вторую мировую, вызвало какую-то жуткую генетическую мутацию? И это еще только начало... Городской муниципалитет встревожился и приказал Департаменту общественной безопасности как можно скорее раскрыть это дело.

Немедленно была создана оперативная следственная группа, но с тех пор прошла уже неделя, а следствие не продвинулось ни на йоту. Все выглядело настолько плохо, что Дин Сучен, офицер уголовного розыска из полиции Чанхона, находившийся в Цзянбине в командировке, предложил обратиться к одному студенту с юридического факультета Университета Цзянбина.

Тай Вей, один из руководителей следственной группы, сначала подумал, что Дин Сучен шутит. Однако тот поклялся, что говорит серьезно, и рассказал следующее.

Летом 2001 года в Чанхоне одно за другим произошли четыре изнасилования с убийствами. Все жертвы были женщинами, служащими, в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет. После изнасилования их душили веревкой. Убийства происходили на верхних ярусах недостроенных небоскребов, всегда разных, в процессе строительства. Незадолго до того Син Чжисена, непосредственного начальника Дин Сучена и главу криминального отдела полиции Чанхона, повысили до замдиректора Департамента общественной безопасности, и он торопился показать себя с лучшей стороны. На пресс-конференции новый замдиректора заявил, что через две недели дело будет раскрыто. Два дня спустя следственная группа получила письмо, автор которого видел недавнее выступление замдиректора Сина по телевидению. В письме он сообщал, что убийца — сексуальный психопат, неспособный завязывать нормальные отношения с женщинами и реализующий свои подавленные желания через изнасилование и убийство. Автор утверждал, что, по его мнению, убийце не более тридцати лет.

Сначала полицейские решили, что это обычные любительские домыслы поклонника детективной литературы, и проигнорировали письмо. Однако замдиректора Син, узнав о нем, заинтересовался и приказал установить личность отправителя. Довольно скоро выяснилось, что письмо прислал некий Фан Му, студент последнего курса педагогического колледжа Чанхона. Замдиректора Син пришел в восторг и велел немедленно доставить его в департамент. Полчаса они проговорили за закрытыми дверями в кабинете Син Чжисена, после чего замдиректора лично отвез Фан Му на одно из мест преступления. По возвращении он распорядился доставить к нему в кабинет материалы по всем

четырем убийствам, и Фан Му внимательно их изучил. Тем же вечером (по данным вскрытия, убийства совершались между 22 и 23 часами) студента провезли по местам остальных преступлений. На этот раз Дин Сучен поехал тоже. Оказавшись на продуваемом ветрами верхнем ярусе небоскреба (по совпадению, самого высокого из четырех), парень долго стоял, не говоря ни слова.

Наконец он произнес нечто, чего Дин Сучену никогда не забыть:

— Он насилует не женщин. Он насилует город.

Когда они вернулись в департамент, Фан Му изложил следственной группе следующие соображения. Во-первых, следует заняться всеми дешевыми видеосалонами, особенно теми, которые расположены неподалеку от строек. Там надо спрашивать о посетителе: это мужчина, правша, коротко стриженный, худощавого телосложения, в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет, рост 160—165 см, в очках, с часами на левом запястье и царапиной на левой руке, с образованием не выше среднего. Во-вторых, человека с теми же приметами следует искать во всех строительных бригадах, работающих в городе. В-третьих, в деревнях и маленьких городках близ Чанхона надо отследить бывшего жителя, соответствующего описанию, который в свое время не сдал экзамены в колледж и подался в город на заработки — в первую очередь обращая внимание на единственных детей, росших с отцом, либо на мальчиков со старшими братьями, но без сестер. Он зашел так далеко, что брался утверждать, будто убийца, когда его придут арестовывать, окажется в белой рубашке.

Выслушав ничем не подкрепленные заявления, члены следственной группы от них попросту отмахнулись.